

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первыя преобразованія.

I. Преобразовательныя теченія. — II. Новый законъ. — III. Реорганизация службы. — IV. Религіозная реформа.

I.

Преобразовательныя теченія.

Изъ среды образованнаго класса—въ количественномъ отношеніи еще ничтожнаго при Иванѣ IV, въ умственномъ—мало развитаго, но уже заинтересованнаго нѣкоторыми политическими и социальными вопросами; изъ кружка людей мыслящихъ, спорящихъ, пишущихъ—исходило два преобразовательныхъ теченія. Отправныя ихъ положенія были рѣзко различны; но въ конечныхъ цѣляхъ они сходились весьма близко, если не вполне были согласны. И то и другое направленіе выдвигало новыя понятія и планы: и здѣсь и тамъ они связаны были съ великимъ вопросомъ современности. Мы говоримъ о правѣ на землю. Моимъ читателямъ уже извѣстно, какую позицію заняли въ этомъ остромъ вопросѣ послѣдователи Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева. Новый толчокъ къ развитію идей *нестяжателей* сообщилъ тотъ памфлетъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. При своей причудливой формѣ, которая порою совершенно затемняетъ мысль автора, это произведеніе написано чрезвычайно энергичнымъ языкомъ, который долженъ былъ производить самое сильное впечатленіе. Въ памфлетѣ выводятся фантастическіе собесѣдники—именно, Валаамскіе чудотворцы—Сергій и Германъ. Что касается личности самаго автора, то она остается загадкой. Нѣкоторые отождествляли авторѣ съ Патрикѣевымъ; но для смиреннаго монаха памфлетъ написанъ слишкомъ запальчиво и дерзко. Едва ли какой-нибудь инокъ рѣшился бы съ такою смѣлостью возставать противъ накопленія богатствъ въ

рукахъ чернаго духовенства и такъ горячо изобличать гибельныя послѣдствія этого зла! Правда, политическія воззрѣнія автора своей удивительной наивностью пожалуй могутъ напомнить какого-нибудь монаха. Такъ, напримѣръ, главной заботой постояннаго совѣта царскаго долженъ быть, по его мнѣнію, надзоръ за неуклоннымъ соблюденіемъ постовъ. Однако, замѣчательно, что авторъ *Бесѣды* требуетъ, чтобы совѣтниками царя были только міряне, а отнюдь не духовенство которое неправильно присваиваетъ себѣ подобное положеніе. Жить въ бѣдности и молиться—таковъ долженъ быть удѣлъ инока по мнѣнію неизвѣстнаго публициста. Могъ ли думать такъ Патрикѣевъ? Едва ли его честолюбіе примирилось бы съ такою ролью!

Въ своей новой постановкѣ, земельный вопросъ неожиданно расширялся. Онъ затрагивалъ уже иные, смежныя интересы; изъ него вытекалъ цѣлый рядъ другихъ требованій. Чрезмѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія признавался зломъ Прекрасно. Но развѣ меньшее зло представляла собою раздача земли служилымъ людямъ? Развѣ болѣе справедливымъ былъ постепенный захватъ земельной собственности этими привилегированными элементами? Вѣдь самъ Иванъ такъ недавно еще изобличалъ неправды этихъ сильныхъ людей? Отвѣтомъ на сти вопросы явился новый памфлетъ,—вышедшій одновременно съ *Бесѣдой чудотворцевъ*. Онъ былъ написанъ въ формѣ посланія или печалованія, адресованнаго царю какимъ-то *Иваномъ* или *Ивашкой Пересѣтовымъ*. Мы не знаемъ, было ли то собственное имя автора, или псевдонимъ: этотъ вопросъ остается еще неяснымъ. Во всякомъ случаѣ, памфлетъ Пересѣтова являлся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ служилаго землевладѣнія. «Вельможки своимъ чародѣйствомъ приворотили къ себѣ сердце царево и научили его во всемъ волю свою творити...» Они разбогатѣли сверхъ мѣры; они обездоливають и безжалостно угнетаютъ разоренныхъ крестьянъ; живутъ они сами въ лѣности и въ развратѣ. Трусость ихъ такъ же велика, какъ и жадность: когда они выѣзжаютъ на битву, то губятъ людей царскихъ и теряютъ войско, а въ мирное время «берутъ на царя 10 рублей, а себѣ 100». Словомъ, они повинны во всѣхъ бѣдствіяхъ государства.

Какой же выводъ былъ изъ такого положенія? Что касается секуляризаціи церковныхъ земель, то она давно стояла въ программѣ московскаго правительства. Этимъ вопросомъ уже занимался Иванъ III, при которомъ дѣлались нѣкоторыя попытки въ указанномъ направле-

ним. Теперь возникалъ вопросъ о служиломъ землевладѣнiи; какъ же нажѣренъ былъ рѣшить эту проблему Ивашка Пересвѣтовъ? Его предложенiя были не менѣе радикальны. Онъ требовалъ уничтожить систему кормленiя. Онъ хотѣлъ, чтобы государство вернуло себѣ земли, розданныя служилымъ людямъ. Онъ проектировалъ замѣну этой формы вознагражденiя за службу уплатой ежегоднаго жалованiя. Такимъ образомъ, въ рукахъ государя окажутся послушные исполнители; земля освободится и вернется къ своимъ законнымъ владѣльцамъ, а народъ избавится отъ невыносимаго гнета.

Если разсматривать оба памфлета съ литературной точки зрѣнiя, то нетрудно установить между ними нѣкоторое сродство. Въ *Бесѣдѣ*, какъ мы видимъ, выступаютъ воображаемые лица; въ сочиненiи Пересвѣтова также фигурируетъ какой-то волошскiй воевода, у котораго авторъ будто бы прожилъ нѣкоторое время. Не менѣе причудливъ и самый стиль второго памфлета. Словомъ, форма этого произведенiя крайне загадочна; оно изобилуетъ мудреными околичностями, неожиданными отступленiями, неясными и прямо темными мѣстами, столь характерными для всей тогдашней фразеологiи. И, однако, никогда и нигдѣ не предлагалось болѣе революцiоннаго плана реформы. Ни въ одномъ государствѣ не бывало столь рѣшительныхъ сторонниковъ отвлеченнаго радикализма, какъ въ Россiи—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя эпохи. Въ этомъ смыслѣ, новѣйшiй русскiй радикализмъ имѣетъ подъ собою глубокiе корни въ прошломъ. Конечно, какъ теперь, такъ и тогда между теорiей и практикой лежала цѣлая бездна. Въ самомъ дѣлѣ: о чемъ шла рѣчь въ обоихъ памфлетахъ? Не болѣе не менѣе, какъ о коренномъ переустройствѣ всего социальнаго политическаго порядка. Правда, обѣ программы касались двухъ различныхъ категорiй землевладѣнiя; но между авторами, вопреки мнѣнiю нѣкоторыхъ, по существу не было противорѣчiя. Напротивъ, оба проекта естественно дополняли и развивали другъ друга. Они представляли собою двоякое рѣшенiе одной и той же задачи. Не въ основѣ своей эта задача оставалась революцiонной и демократической.

Какъ же смотрѣлъ Иванъ на такую задачу? Какъ относился онъ къ этому двойному теченiю? Несомнѣнно, что относительно церковныхъ имуществъ Грозный былъ склоненъ слѣдовать по пути своего дѣда. При всѣхъ своихъ колебанiяхъ, московская политика оставалась въ этомъ вопросѣ неизмѣнной. Ея традицiи передавались однимъ государемъ другому; можно сказать, такое преемство сохранялось

даже между династіями. Однако, какъ дѣду, такъ и внуку, приходилось считаться съ извѣстными препятствіями; ослабить и устранить противоѣдѣствіе могло лишь долгое время. Реформа служилаго землевладѣнія представляла еще большія затрудненія. Конечно, кѣмъ бы то ни былъ Иванка Пересвѣтовъ, и откуда бы ни заимствовалъ онъ свои идеи, но для того, чтобы говорить столь смѣлымъ языкомъ, онъ долженъ былъ чувствовать за собою могущественную поддержку. Порою, при чтеніи его памфлета, кажется, что слышишь эхо рѣчи, произнесенной молодымъ царемъ на Красной площади. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ немъ офиціознаго публициста; можетъ быть, они были и не такъ далеки отъ истины. И все же—пусть недостойны были служилые люди; пусть обѣщаль самъ царь дѣйствовать противъ нихъ со всею строгостью... Но вѣдь проектъ Пересвѣтова предлагалъ экспроприировать ихъ; онъ требовалъ ввести ихъ въ тѣсныя границы. О комъ же шла рѣчь? Объ арміи царя и о его чиновникахъ! Это значитъ о двухъ опорахъ государственнаго зданія! Заменить ихъ? Это—другое дѣло,—и Иванъ много думалъ по этому поводу. Но для этого надо было найти цѣлыя тысячи Адашевыхъ. А пока что,—нужно было жить. Для того же, чтобы продолжать существованіе, приходилось не только отказаться отъ мысли измѣнить существующій порядокъ въ ущербъ служилымъ людямъ, но, напротивъ, скорѣе упрочить ихъ положеніе. Еще никакая реформа не затронула этого положенія; но столь ненавистныя Пересвѣтову преимущества служилаго сословія оказывались уже подъ большимъ сомнѣніемъ. На вельможъ раздавались, болѣе или менѣе, справедливыя нареканія. Но такимъ обвиненіямъ они могли противопоставить столь же основательныя жалобы. Они угнетали сверхъ мѣры крестьянъ—землевладѣльцевъ? Но вѣдь сами крестьяне разоряли помѣщиковъ, покидая ихъ земли. Раньше правительство благосклонно смотрѣло на крестьянскіе переходы и даже имъ содѣйствовало: оно видѣло въ нихъ могущественное средство заселенія окраинъ. Теперь же сама власть усматривала въ крестьянскихъ переходахъ непосредственную опасность: она была не менѣе страшна, чѣмъ всевозможныя злоупотребленія *кормленщиковъ*, чѣмъ самое ихъ непокорство. Вѣдь, палачъ всегда можетъ усмирить строптивыхъ. Но какъ быть, если для войска и администраціи не хватитъ силъ? Что дѣлать, если помѣщики, и безъ того скудно надѣленные землею, въ одинъ прекрасный день лишатся куска хлѣба? Что будетъ тогда? Очевидно, государь окажется безъ рукъ.

Въ своихъ обличеніяхъ и планахъ Иванка Пересвѣтовъ не дѣлалъ различія между крупными и мелкими землевладѣльцами, между обладателями временныхъ, скупо нарѣзанныхъ участковъ и счастливыми собственниками обширныхъ вотчинъ. Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, допускалъ ошибку: пренебрегая достижимыми цѣлями, онъ уходилъ слишкомъ далеко отъ реальныхъ условій. Земля оставалась въ Московскомъ государствѣ единственнымъ фондомъ, которымъ правительство располагало. Совершенно естественно, что, при отсутствіи иныхъ матеріальныхъ средствъ, оно и пользовалось ею для вознагражденія подданныхъ за службу. Но, конечно, не всѣ служилые люди были въ одинаковыхъ условіяхъ. Находясь въ рукахъ простыхъ помѣщиковъ, земельная собственность не представляла собою ни соціальнаго зла, ни политической опасности. При своихъ ограниченныхъ размѣрахъ, она являлась лишь временной формой землепользованія; дѣйствительно же привилегированный и опасный элементъ представляли собою только владѣльцы старыхъ вотчинъ. Среди постепеннаго разоренія слабыхъ помѣщиковъ, они одни сохраняли свое богатство. Пользуясь хозяйственнымъ кризисомъ и социальнымъ ослабленіемъ своихъ сосѣдей, они даже увеличивали нерѣдко свое благосостояніе. Рабочія руки всегда были въ ихъ распоряженіи, такъ какъ они либо приманивали къ себѣ крестьянъ лучшей оплатой труда, либо силою переводили ихъ на свои земли. Такимъ образомъ, ихъ вотчины росли и оживлялись. Зависимое населеніе не только не покидало ихъ, но еще прибывало; самостоятельность самихъ землевладѣльцевъ не только не уменьшалась, но даже увеличивалась. Правда, и они «служили» государствѣ. Но пользоваться ими приходилось лишь справляясь съ ихъ настроеніемъ, учитывая моментъ и ловя удобный случай. Словомъ, то была недисциплинированная, строптивая масса: она мало привыкла повиноваться и была почти недоступна карамъ.

Находясь между этими двумя группами землевладѣльцевъ, правительственная власть должна была неизмѣнно имѣть въ виду общегосударственные интересы. Она еще не знала, какъ обойтись безъ помѣщиковъ и безъ вотчинниковъ; поэтому, естественно, ей не приходилось думать о ихъ немедленномъ уничтоженіи. Удобнѣе всего было лишь противопоставить другъ другу эти стороны, и, ослабляя сильнѣйшую и опаснѣйшую, тѣмъ самымъ укрѣпить болѣе слабую и менѣе угрожающую. Достигнувъ этой цѣли, нужно было поскорѣе устранить

враждебные элементы. Другими словами, сохраняя неприкосновеннымъ все зданіе, приходилось оставить въ немъ необходимые устои и удалить излишнія переборки. Это значило завершить тотъ историческій процессъ, который продолжался уже болѣе вѣка: медленно, но неуклонно на мѣсто удѣльныхъ князей и вотчинъ онъ водворялъ единоедержавнаго государя и систему помѣстій. Рано или поздно Иванъ долженъ былъ принять эту программу; только она соотвѣтствовала традиціямъ правительства и удовлетворяла настоящимъ потребностямъ государства.

До послѣдняго времени этого не понимали. Между тѣмъ здѣсь—вся исторія опричнины.

Разумѣется, Иванъ принялъ рѣшеніе не сразу. Въ ту пору царствованія, о которой мы говоримъ, онъ самъ, быть можетъ, блуждалъ, колебался между двумя направленіями политической мысли. Несомнѣнно, что ихъ смѣлость и новизна не могли не увлечь его предприимчиваго и впечатлительнаго ума. Онъ внимательно прислушивался къ рѣчамъ нестяжателей; съ другой стороны, вполне вѣроятно, что онъ поддерживалъ и Ивашку Пересвѣтова. Словомъ, онъ еще искалъ дороги; онъ вступалъ на нее осторожно, ощупью, пробуя почву и, когда нужно, дѣлая шагъ назадъ. Такова исторія 1550—1551 годовъ со всѣми относящимися сюда событіями. Мы говоримъ, главнымъ образомъ, о редакціи новаго закона и о созывѣ церковнаго собора. Благодаря извѣстному намъ обычаю вводить въ эти соборы мирянъ и обсуждать государственные вопросы, церковный соборъ 1551 года создалъ цѣлую эпоху и въ политической жизни страны.
